

В. В. ПОХЛЁБКИН

Великий псевдоним

<Фрагменты>

<...>

В ходе нашего исследования обнаружилось, что Сталин придавал большое значение определенным датам и числам, их совпадению или чередованию, повторяемости. Именно, учитывая это обстоятельство, удалось лучше понять, почему новый великий псевдоним «Сталин» подготавливался непременно в 1912 г. и не мог быть отложен, скажем, на 1914 или 1915 годы.

Возможно, что не все читатели, ясно ощутили этот момент. Вот почему для тех, кто, быть может, усомнится в том, что Сталин придавал значение мистике цифр, видел в их сочетаниях скрытый смысл, и старался не поступать так, чтобы рассчитанный им порядок в числовой символике нарушался, т. е. в какой-то степени верил в предопределение, имеет смысл подробнее остановиться на этом вопросе и поразмыслить над датами его биографии <...>.

<...> Сталин принимал символическое значение лишь двух-трех цифр: 33 — как общехристианский и в то же время общечеловеческий символ совершенства личности, как «годы свершения великих дел» для каждого человека, и число «10», как «завершающее число» у всех первобытных народов мира, как «символ мирового порядка», почитаемый всеми народами мира, находившимися на стадии язычества и перенесшими это свое уважение к числу 10 также в Библию и в христианство в целом.

Наконец, в меньшей степени, но как истинно народный счет, он признавал и дюжину — 12... Что же касается числа 10, то оно представляет собой сумму первых четырех чисел ($1+2+3+4 = 10$). В них заключена вся полнота счета и гармонии. Все остальные

числа — лишь производные от них. А 10 — их итог, завершение, число «окончательное», итоговое... число 5 — эта половина 10, и, следовательно, составная равная часть совершенства, путь к совершенству, важная веха на пути к совершенству, к полному, нормальному порядку. Отсюда идут, кстати, и сталинские пятилетки — вехи экономического, индустриального развития страны, ступени роста экономического потенциала державы.

Вот почему все кратное 10 и 5 было важным для Сталина. По «пятилеткам» он ориентировался после 1912 г., а быть может и несколько раньше. Цифровой символике Сталин уделял внимание и в периоды войн — как гражданской, так и Отечественной.

Так, в силу настояний Сталина в 1918–22 гг. была принята пятиконечная звезда — пентаграмма — в качестве символического охранного знака не только для Красной Армии, но и как государственная эмблема. Сталин вначале «протащил» пятиконечную звезду в 1922 г. в герб Грузии, а затем — в герб ЗСФСР, и позднее — также в герб СССР (в 1936 г.), хотя В. И. Ленин был принципиально против использования военных символов в качестве эмблем социалистического государства. В годы Великой Отечественной войны Сталин разработал систему салютов, которая во-первых, сильно отличалась от традиционной международной, а во-вторых, была построена на только ему известных и им изобретенных численных принципах¹. Однако эта система была настолько стройной, понятной и логичной, что ее без всяких оговорок признали во всем мире. При этом надо заметить, что никто не знал и не догадывался, что создателем был Сталин. Вернее, знать-то знали такие ближайшие люди в Ставке Верховного Главнокомандующего, как маршалы Жуков, Василевский, Ворошилов, Шапошников, Берия, генерал армии — Антонов, но нигде, никогда, даже в мемуарах, изданных после смерти Сталина, они об этом не обмолвились и словом. Причины здесь две: во-первых, так сказать «обет молчания», а во-вторых — и это главное — бескультурье и непонимание этими людьми вообще символики, отсутствие у них представления о том, что любое изобретение, новое слово в этой области уже само по себе — гениально, что это — выдающееся явление.

Отсюда понятно, что Сталин к концу жизни не только глубоко презирал, но и имел все основания — ненавидеть свое окружение, как людей, стоящих по сравнению с ним, чуть ли не на уровне неандертальцев в историко-гуманитарном, философском отношении.

<...>

1929 г. «Год великого перелома». Этот год, решавший судьбу коллективизации в российской деревне, был поистине общенародным, затрагивавшим весь народ и прежде всего огромные массы сельского населения страны: России, Украины, Белоруссии, Урала, Сибири.

И цифры на этот раз также полностью подтверждали эту оценку данного года: $1917 + 12 = 1929$ г. Но для Сталина лично это был весьма важный и победоносный год. И здесь цифры опять были солидарны в данной оценке: $1879 + 50 = 1929$.

Так что избирая для усиления коллективизации не 1930 г. и не 1931 г., и ускоряя тем самым, а не замедляя коллективизацию, Сталин опирался на заранее произведенный расчет, на «счастливое» сочетание цифр, а не на те отчеты или сводки с мест, которые рекомендовали немного приостановить ход коллективизации. И получилось, что личные сталинские расчеты и следование им принесли политическую победу.

Ибо в 1929 г. была не только проведена коллективизация, но и разбита последняя оппозиция в партии — правая, бухаринская, а Троцкий был изгнан в этом году из СССР. 1937 г. Тут и объяснять много не нужно. И так ясно: $1937 = 1917 + 20$ или $1912 + 25$, т. е. по всем показателям победный и счастливый год лично для Сталина, как по линии развития государства, так и по линии утверждения его лидерства в партии. Вот почему он и решился именно в этом году пойти на физическое уничтожение своих политических противников.

1939 г. Это прежде всего личный для Сталина «большой год», год его 60-летия. И поэтому «триумфы» этого года в большей, чем ранее степени, несли на себе следы его личного влияния, его личных удачных, победных решений: достижение договора с Гитлером и приращение территории СССР за счет ряда районов вдоль западной границы СССР — от Карельского перешейка до Западной Украины и Белоруссии.

В 1939 же году внешнеполитические успехи СССР были также достигнуты благодаря личным переговорам Сталина с министрами иностранных дел стран Прибалтики, в результате которых, СССР получил наземные и военно-морские базы в Эстонии, Латвии, Литве. Это год успешной сталинской внешней политики, — хороший подарок самому себе к 60-летнему юбилею.

1942 г. Сталинградская битва — сочетание личного и государственного успеха. $1912 + 30$ и $1917 + 25$. Сталин специально тщательно и планомерно готовил эту победу в расчете на 1942 г.

1945 г. Тут уж и говорить нечего. Все и так ясно, как на ладони: Во-первых, двойной триумф, второе политическое совершенство, вторая жизнь для страны и народа, после кровопролитной, тяжелой войны. Ведь цифры — не врут: $1879 + 66 = 1945$ и $1912 + 33 = 1945$.

1949 г. 70-летие Сталина. Дата солидная, значимая, политически важная. Да и год — весьма политически важный. Во-первых, большой удар со стороны противника: создание НАТО, и во вторых ответ на него: создание Коминформа². Конечно, неадекватно: ответ на пушки словами но в идеологическом плане жесткий: вы не сдержали Ваших нападков на СССР, на коммунизм, хотя мы и распустили Коминтерн. Что ж — мы его теперь возродим, но его органы будут в большей степени, чем прежде, направляться и контролироваться нами, из одного центра.

«Кто с мечом к нам пришел, от меча и погибнет». Но мы не дрогнем, и будем продолжать войну с империализмом: идеологическую, классовую, и, придет время, быть может и реальную.

<...>

Таким образом; XIX Съезд партии — хотя и был созван в «счастливую» и «правильную» дату, тем не менее, не сыграл своей исторической роли — быть инстанцией, которая передала бы эстафету ответственному и компетентному новому руководству партии.

В этой неудаче ярко проявилась вся искусственность сталинской схемы «пятилеток» и других числовых комбинаций, которая, казалось, действовала годами и десятилетиями столь безотказно, верно и надежно.

Дело в том, что прежде внутренняя уверенность в «фатальности» той или иной даты, той или иной меры, придавала Сталину, чисто субъективно, такие силы, что он всецело и глубоко мог контролировать все, происходящие в такие исторические моменты процессы. Всюду иметь свой глаз. Всюду проверять, перепроверять и не доверять никому, кроме себя. Вполне естественно, что такое тщательное проведение любого мероприятия обеспечивало ему успех. Ведь точно также и Ленин лично стремился контролировать и проводить все важнейшие политические и военные меры в годы революции и гражданской войны, беря на себя львиную часть работы, которую должен был выполнять партийный и советский аппарат. И все удавалось хорошо, благодаря этому личному, ежеминутному, перестраховывавшему и подстраховывавшему контролю и проверке всех звеньев государственной машины.

И Ленин, совершая эту титаническую работу, в отличие от Сталина не нуждался в таком внутреннем стимуле, как вера в магию чисел. Однако результат у обоих получался отличный, ибо оба осуществляли неослабный контроль над проводимыми по их указанию мероприятиями и оба были достаточно компетентны в том, что они делали, причем более компетентными, чем все их другие сотрудники. Именно это и обеспечивало успех.

Но такой ход работы, такие, как называл их сам Сталин «большевистские темпы» были возможны лишь тогда, когда оба обладали хорошим здоровьем и, не щадя себя, «выкладывались» до изнеможения.

Ленин надорвался на этой работе, не допустив ни одного ее срыва, но умер преждевременно и крайне мучительно, от прогрессирующего паралича, завершившегося инсультом.

Сталин также успешно осуществлял руководство в напряженнейшей обстановке, в том числе в более старом возрасте, чем Ленин, в годы Великой Отечественной войны. То, что было сделано Ставкой ВГК в смысле планирования, разработки и проведения стратегических операций, а их за четыре года войны было проведено полторы сотни³, причем на пространстве фронта протяженностью в 6000 км. — это сверх обычных человеческих сил, это — гениально, и это было проведено мастерски, в высшей степени военно-профессионально и компетентно. И это, разумеется, не могло не подточить даже стального здоровья и стальной воли Сталина. Физическая немощь, характерная для старения организма, стремительно захватывала Сталина в послевоенные годы, особенно после 1949 г. И этот объективный факт нельзя сбрасывать со счета. Более того, мы должны его всемерно учитывать и понять, что и Сталин был отнюдь не машина, а человек, причем с весьма скромными физическими возможностями. Но жил он за счет своей воли, и пока мог, держал себя в руках. Когда же силы стали уходить, воспрепятствовать этому физиологическому процессу было просто невозможно.

И именно в этих условиях его контроль за партией, за государством, и его информированность насчет их состояния, резко изменились: он стал утрачивать контроль и подобно Ленину, именно этот факт стал его крайне нервировать и беспокоить. И чем больше он нервничал, тем хуже становилось его физическое состояние. И в этом положении он стал острее не доверять окружающим. Просто не доверять никому и во всем, не имея прежней возможности,

вместо негативного недоверия, взять под жесткий позитивный контроль всю информацию, поступающую наверх.

Этого он просто не мог уже сделать физически, и это, разумеется должно было вызвать внутренний взрыв. В приступе бессильного гнева у него произошло кровоизлияние в мозг — инсульт. Тот же конец, что и у Ленина. Профессиональное острое заболевание государственных деятелей мирового масштаба, привыкших тащить на себе всю государственную и партийную машину. Как только способность тащить воз прекращалась, эти деятели тотчас же ломались. Это означало, что они работали до полного износа, до конца, пока только хватало сил.

<...>

Вышеприведенные данные, вероятно, ни у кого не оставят теперь сомнения, что у Сталина присутствовали в его деятельности элементы мистического восприятия действительности, и они усилились особенно к концу его жизни, после 70 летнего юбилея.

Почему важно обнаружить, отметить и обратить внимание на этот момент, на эту, в некотором роде «мелочь», свойственную лишь внутренней скрытой психологии Сталина и никогда им не проявляемую открыто и тем более не афишируемую?

Потому, что при помощи этой черты, т. е. при учете ее существования, мы можем лучше понять и логически объяснить некоторые известные, но не совсем понятные факты из сталинской биографии или кое-что из его действий.

Дело в том, что внимание к мистике чисел, вера в «счастливые» и «несчастливые» годы, существенно ослабляли у Сталина в последний период его жизни (с 1949 по 1953 гг.) способность к трезвой, критической оценке действительности, в то время как прежде такая способность ему никогда не изменяла.

Так, проведя успешно в «счастливый» 1939 г. сногшибательную и сенсационную договоренность с Гитлером, заставив весь мир удивляться своему дипломатическому «везению», Сталин, разумеется, не изменил своих взглядов на фашизм и на реальную угрозу войны со стороны Германии.

Наоборот, он твердо знал, что война непременно наступит, но его главной заботой стало то, чтобы она не пришлась на несчастливый 1941 г., а началась бы, по крайней мере, в «счастливом» для него 1942 г.

Вот почему все его усилия, все мероприятия в области внешней и внутренней политики в течение 1939, 1940 и первой половины

1941 гг. были направлены только на то, чтобы любым способом оттянуть войну и не дать ей вспыхнуть в 1941 г. Отсюда становится особенно ясно, почему Сталин буквально «не хотел замечать» подготовки войны со стороны Германии и пресекал всякие обсуждения этой темы в верхних этажах партийных, военных и государственных кругов. Он был уверен, что германский фашизм имеет и в советском госаппарате своих нераскрытых шпионов, и потому рассчитывал своим спокойствием и полным исключением обсуждения подготовки к войне, оттянуть начало войны до «благоприятного» 1942 г., и не дать немцам хоть малейшую зацепку для придинок и недовольства. Вот почему он не реагировал на предупреждения о подготовке немцев к войне, о намеченных уже для ее развязывания датах, ибо принимал все это за «провокацию», а не потому, что он был «слеп».

Однако он упустил при этом из виду, что дело зависело не только от его выдержки, но и от вероломства гитлеровского руководства. Этот фактор он полностью не учел, ибо считал, что Гитлер как истинный, педантичный немец, будет верен своему слову. И в этом была огромная сталинская ошибка, происшедшая из-за того, что он посчитал более надежным не классовое чутье, а убеждение в магическом сочетании благоприятных и несчастных дат.

Такую же ошибку он сделал и во время советско-финской войны. Хотя 1939 г. был в целом счастливым для подобного мероприятия, но переговоры с финнами, начатые еще весной, затянулись из-за финского упрямства до ноября 1939 г. Год был таким образом на исходе, следующий, 1940 г. обещал быть «несчастливым». Однако обе стороны зашли так далеко в своем противостоянии, что для СССР отступить было поздно, и война началась 1 декабря⁴, за месяц до конца «счастливого» года. Но Сталин рискнул санкционировать начало войны, ибо верил в «счастливость» 1939 г. и считал, что Красная Армия сумеет справиться с Финляндией «за две недели» и он сможет уже к своему дню рождения, к 21 декабря, преподнести себе и стране «маленький» внешнеполитический подарок, в виде «победоносного окончания советско-финской войны». Однако ни Ворошилов, ни Тимошенко, сменивший его на посту наркома обороны, за две недели не уложились и война перешла на «несчастливый» 1940 г., сопровождаясь непредвиденным ходом, огромными потерями в живой силе и технике, и обескураживавшей советских военных невозможностью продвижения за «линию Маннергейма».

В результате потребовалось ввести в действие миллионную армию, потерять почти полмиллиона людей, и совершить ряд других дополнительных усилий, чтобы достичь, наконец, победы и долгожданного мира.

Именно в этой приверженности элементам мистики, пусть и не очень серьезно, но зато скрупулезно, в этом явном идейном отступлении от марксизма, проявляющемся в вере в некую predeterminedность судьбы, и заключалась основная политическая ошибка Сталина в последний период его жизни.

Ошибка эта была тем более существенной, что она была, в принципе, недопустима для марксиста, притом руководителя коммунистической партии и социалистического государства. До тех пор, пока он не подчинял марксистский расчет и анализ реальной обстановки своему, только ему одному известному «графику», и не приравнивал этот график к своей мистике чисел, — иными словами, — пока он не насиловал ход исторического развития, — все его действия, вся его политика были в целом правильными, шли на пользу народу и государству. Но как только он позволил себе прислушиваться к субъективным аргументам, допустил переоценку и необъективное отношение к искусственной схеме «счастливых» и «несчастливых» лет, так последовали и политические ошибки, и практические неудачи в реализации важнейших конкретных государственных и партийных задач.

Сталин пренебрег к концу жизни ленинским указанием, что нельзя допускать ни малейшего проникновения в мышление — даже слабейших элементов субъективного идеализма, что нельзя делать никаких — ни временных, ни крохотных уступок идеализму, ибо это немедленно скажется на ошибках в проведении практической политики, приведет к краху мероприятий, основанных на субъективизме.

Это ленинское предупреждение оказалось пророческим. Вся партия фактически оказалась зараженной к 60–80-м годам XX века идеалистической, т. е. враждебной марксизму, буржуазной идеологией. И именно этим объясняется переход советской системы к неверной политике, к волюнтаристским мерам, которые в конце концов разрушили социализм.

Ныне же идеализм, можно сказать, открыто восторжествовал в современной российской идеологии. И это верный знак того, что все историческое развитие нынешней России повернуто вспять, и возможно, в течение целого XXI столетия, страна не подыметя

из рабского положения в экономическом и внешнеполитическом смысле.

Руководить страной со свечкой в руке и с богом на устах практически не было возможно даже в самые глухие периоды средневековья. Религия даже мракобесами использовалась только в декоративных целях, если они желали добиваться реальных политических результатов.

<...>

Раз уж мы затронули, в связи с выяснением происхождения сталинского псевдонима, вопрос о психологии Сталина, то не будет лишним добавить для полноты картины, еще несколько штрихов, т. е. привести такие ситуации и эпизоды из его жизни, из его взаимодействия с людьми, которые могут косвенно обрисовать некоторые черты его характера.

При этом, мы используем такие эпизоды, которые так или иначе отложились в документах, подтверждены многими свидетелями и к тому же, практически, неизвестны широким массам читателей, так как не приводятся ни в одной из нашумевших, «сенсационных», «разоблачительных» сталинских биографий.

Начнем с записи беседы со Сталиным в 1939 г. министра иностранных дел Латвии Вильгельма Мунтерса, который проявлял особую неуступчивость во время советско-латвийских переговоров о советских военных базах и после завершения переговоров так и остался на ярых антисоветских позициях.

2 октября 1939 г. в Кремле, окончив более, чем двухчасовую беседу со Сталиным и Молотовым, на которой, присутствовал также посланник Латвии в Москве Ф. Коциньш, Мунтерс, вернувшись из Кремля в посольство в час ночи, записал: «Сталин показал удивившие нас познания в военной области и свое искусство оперировать цифрами. Он удивился, почему у нас дивизии такие маленькие и сказал, что через Ирбенский пролив легко могут пройти 1500-тонные подводные лодки и обстрелять Ригу из четырехдюймовых орудий. Поэтому батареи у пролива должны находиться под одним командованием, иначе не смогут действовать. После этого Сталин образно показал, положив на стол карту, что подводным лодкам придется шнырять туда-сюда при поддержке авиации, и сложилось впечатление, что по всему побережью будет большая активность».

В другой раз, Сталин сделал «лирическое отступление: «последовал пространный экскурс в область филологии и этнографии,

который свелся к выяснению, в чем сходство между латышами и литовцами. Говорил о поляках и болгарах. Заметил о латышах — «вы для нас психологически ближе, чем эстонцы»».

Участников военных и политических переговоров со Сталиным, всегда поражало то, что он входил во все детали, в том числе, подчас, неожиданные, бытовые.

Когда обсуждали вопрос о советских военно-морских базах в Лиепае и Вентспилсе, которые должны были быть изолированы от латышской территории, Сталин неожиданно спросил Мунтерса: «А вы наших моряков станете пускать к девицам? Или нет? В выходные дни? Они ведут себя хорошо».

В результате прямых бесед иностранных собеседников со Сталиным, без переводчика, поскольку разговор шел на русском языке, у них всегда складывалось четкое представление о компетенции Сталина во всех вопросах, о его широкой образованности.

При этом интересно отметить, что Сталин никогда не давил на собеседника своим авторитетом, он вел разговор спокойно, без каких-либо угроз, будь то явных или скрытых.

Неуступчивость и жесткость всегда проявлял Молотов, в то время как Сталин, как бы сдерживал его и всегда предлагал более «мягкий» выход, но уж это решение было зато — последним. В. Мунтерс считал такое поведение — определенным театральным ходом Сталина, а потому называл споры Сталина с Молотовым на переговорах (когда Сталин согласился исключить Ригу из числа мест, вблизи которых будут советские гарнизоны, а Молотов заявил, что это — недопустимо и нехорошо) — «комедийной перебранкой», рассчитанной исключительно на то, чтобы оказать воздействие на партнеров по переговорам.

Эту же позицию Сталина отмечают и некоторые советские военачальники, когда Сталин постоянно придерживался более умеренных требований, чем вступавшие с ним в полемику Молотов, Берия или Ворошилов.

Нет сомнения, что Сталин в какой-то мере создавал себе таким путем определенный имидж, но это должен был быть имидж не «более мягкого», «более уступчивого», а более компетентного человека, который, глубже вникая в ту или иную проблему, находил менее жесткое ее решение, не уступая, не теряя в то же время принципиальных позиций. Однако именно такие тонкости для тех, кто составлял сталинское окружение, не доходили. Его позиция, как и в других случаях, воспринималась более упрощенно и при-

митивно, и еще более примитивизировалась при интерпретации или практическом осуществлении сталинских предначертаний. С этим фактом российской жизни не способен был совладать даже Сталин.

Вместе с тем, к числу «слабостей» Сталина следует несомненно отнести его всегдашнее стремление произвести впечатление своей всесильности, хотя это и достигалось, как бы неброскими, косвенными и «естественными» мерами. Здесь важно подчеркнуть, что речь шла не о личном выпячивании своего «я», а исключительно о демонстрации всемогущества социалистического государства. И делалось это в двух, как правило, случаях: во-первых, для иллюстрации тезиса о том, что «если надо стране, то будет сделано все, даже — невозможное» и, во-вторых, для иллюстрации другого любимого сталинского тезиса: что «если приказано, то должно быть выполнено, хоть ты умри».

Надо сказать, справедливости ради, что Сталин требовал следования этим тезисам от всех своих подчиненных, от всего народа, стараясь привить четкую исполнительность всей государственной и общественной машине страны. Но вот иллюстрировать, как на деле должны выполняться эти тезисы, к сожалению, мог, только он сам. Другие, соратники и подчиненные были на яркие иллюстрации неспособны.

<...>

